

Вырезка из газеты

ТРУД

г. Москва

8 НОЯ 1983

Знакомые имена

Больше полувека прошло с тех пор, как впервые появился на экране светловолосый парень Сенька-сапожник в картине режиссера Б. Барнета «Окраина». Рабочим инструментом пареня были верстак, лапка, молоток, гвозди и другие принадлежности сапожного инвентаря. Сидел Сенька и занимался своим делом. Спокойно, размеренно...

Я вспомнил о дебюте нашего замечательного актера в кино вовсе не ради экскурса в начало его творческой биографии: все это давно известно. Но чтоб напомнить читателю о том, почему утвердили Николая Афанасьевича, тогда начинающего актера Московского ТРАМА (Театр рабочей молодежи), на эту небольшую роль.

Приехал он на кинопробу, расположился около верстака в небольшом павильоне студии, быстро освоился с декорацией... И всего-то проба состояла из одной реплики Сеньки. Когда его звали, он, не отрываясь от работы, должен был откликнуться: «Чего тебе?»

И вот устанавливают свет, кинокамеру. Молодой актер, не ожидая, пока все это произойдет, стал заниматься знакомым с детства делом: взял лапку, насадил на нее башмак, начал аккуратно, не торопясь, чинить его. Откуда ему было знать, что наблюдавший за ним режиссер сказал, улыбаясь, своему ассистенту: «Он. Другого и пробовать не буду»...

Спустя много лет Борис Васильевич скажет: «Наверное, Сеньку мог сыграть и другой актер. Но я увидел человека, который трудился с каким-то непередаваемым удовольствием. И это решило дело...».

Это решило и судьбу актера. Талант плюс любовь к труду, желание отдать себя делу до конца, независимо от того, большое это дело или малое. Сам актер заметил однажды: «Именно через труд узнал многие радости в своем деле. Я вам больше скажу: еду на встречу со зрителями—еду трудиться, потому что такая встреча—часть моей профессиональной работы. И очень важная часть! А как же! Кто питает труд актера? Что питает труд актера? Сценарий? Режиссура? Да. Но не на сто процентов. Мне нужно не вообще сыграть человека — хорошего или плохого,— мне нужно оправдать каждую секунду его пребывания на экране. Чтобы зритель поверил в правду этого существования. Иметь способность к лицедейству — этого нынче мало, надо эту способность положить на знание жизни, людей, тончайших нюансов человеческой души.

А как это все постичь, если не встречаться, не общаться с людьми, не быть с ними предельно открытым, не вступать, если потребуется, в принципиальный спор о каком-то явлении в жизни, характере? Не бояться этого спора,

не играть со зрителем в поддавки, чтобы понравиться собеседнику. К слову сказать, понравиться — вовсе не значит заслужить уважение. Лично у меня вызывает уважение собеседник с твердыми убеждениями. «Как прикажете», «как изволите» — это мне претит. Где ж еще набираться житейского ума-разума, как не на этих встречах с людьми? Нет, встречи со зрителями — это труд, труд, совершенно для актера необходимый».

На нынешней нашей встрече Крючков продолжил свою мысль:

— Трудиться — это понятие родилось вместе со мной. Основа —

Николай Крючков:

«МОИ ГЕРОМ—МОЕ БОГАТСТВО»

рабочая семья, в которой я появился на свет, обстановку, само время, в котором я рос, мужал, все то, что происходило на моих глазах и чему я был не только свидетелем. Я к тому, что меня воспитало время, люди, удивительные люди, забываемые дела их — рождение колхозов, новых заводов, фабрик, городов, полярные экспедиции, достижения науки, культуры. Рождение новых людей, первого поколения, которое стало называться советским народом. Я просто не мог стать другим. Другой в то время (впрочем, как и сейчас) выглядел бы анахронизмом в нашей жизни.

— Все это так, Николай Афанасьевич, но ведь вы пришли в искусство театра в очень сложную пору, когда на сцене бушевали страсти художников, которых не назовешь близнецами, — Художественный театр и «Синяя блуза», Таиров и Мейерхольд... Молодому и неопытному парню, вчерашнему граверу-накатчику с Трехгорки легко было растеряться в такой разногололице школ и направлений... —

— Не спорю, — отвечает актер. — Но вы упустили «мелочь»: у меня был ориентир — социальная среда, в которой я родился и вырос, чутье рабочего человека, та нелегкая школа жизни, которую к тому времени прошел, постигнув в ней что-то очень для себя важное и очень точно зафиксировав

близкие мне понятия. Трудолюбие. Порядочность. Принципиальность. Патриотизм. Куда ж мне было еще податься, если не в ТРАМ? Туда, где на сцену выходили люди, которых я хорошо знал. Вы просмотрите мою фильмографию. Примерно 90 процентов персонажей, которых я сыграл, это люди, у которых преобладают только что перечисленные мною черты характера. Думаете, случайность? Нет. Это моя принципиальная позиция. Отношение к таким героям. Моя точка зрения на задачу нашего актерского дела—рассказать о лучшем, что есть в человеке. И рассказать «крупным планом».

Мне повезло. В том смысле, что буквально с самого начала своей профессиональной деятельности (еще в ТРАМе, до кинематографа) я стал рассказывать о своих современниках, ровесниках, молодых сельских и рабочих паренях, мне знакомых и близких по духу. Они были рядом в моей жизни — кому же, как не мне, было рассказывать о них? Менялся я, менялись мои герои. И вот уже появился на экране вожак комсомоли строящегося города в картине Герасимова «Комсомольск», затем Клим Ярко в пырьевских «Трактористах», Сергей Луконин в «Парне из нашего города»... Потом пришли на экран мои послевоенные герои, люди, которые принялись за восстановление разрушенной войной страны. Понимаете, мое не только актерское, но и человеческое счастье состоит в том, что я ни на секунду не отделился по духу и по времени от своих героев.

— Николай Афанасьевич, вы начинали свою трудовую деятельность на Трехгорке, где работали и ваши отец с матерью. Скажите, случилось бы вам, как говорится, миновать искусство, остаться на всю жизнь на фабрике, — добились бы вы тех профессиональных успехов и наград, что и в искусстве?

— Интересный вопрос. Он дает возможность еще раз поразмыслить о судьбе простого человека, судьбе, которую создал Октябрь.

Я не говорю уже о поколении людей, родившихся после революции, — тут все было ясно с самого начала. Но вот мои ровесники, те, которым нынче за семьдесят и даже больше... Пожалуй, никто из них не может исключить из своей судьбы семнадцатый год. Это как «звездный час» поколения, начавшего новую историю. Большие и красивые слова, случается, стареют, вновь обретая спустя многие годы свое первое и истинное значение.

Моя судьба... Это судьба поколения, озаренного Октябрем. Конечно, я мог и не стать актером, не будь у меня каких-то склонностей, тех изначальных способностей, из-за которых меня приняли в студию ТРАМа... Что ж, продолжал бы работать на Трехгорке. Я ведь очень любил свою «доактерскую» профессию — гравера-накатчика. Вы спрашиваете, мог бы я достигнуть в ней таких же успехов, что и в актерстве? Кто знает? Разве я могу ответить на этот вопрос? Как-то не думал об этом, а лукавить, отвечая на ваш вопрос, не хочу. Одно могу сказать: работал бы добросовестно, с сознанием необходимости своего труда. Это главное. Это приводит к успеху. В любом деле.

— Вы сыграли в кино свыше ста ролей, и, как сказали в начале нашего разговора, большинство ваших персонажей — это современники, герои нашей трудовой ежедневности. К кому, как не к вам, должен быть обращен вопрос о современном герое, о том, каким он должен быть сегодня на экране? И еще один момент. Сейчас много говорят о том, что положительный герой в чистом, так сказать, идеальном виде не существует...

— В самом вопросе, как я понимаю, таится упрек в адрес некоторых и моих героев тридцатых годов. Вы не учитываете одну «деталь» — Время. Ведь в каждый период истории народа искусство выполняет конкретные, определенные задачи. Тридцатые годы — это немалый взрыв, всплеск трудового энтузиазма, это целая вереница событий, едва ли не каждое из которых стало историческим: Магнитка, Комсомольск, перелет группы Чкалова, челюскинцы, Стаханов... Страна как бы выдавала «нагора» настоящих героев. В это время то же самое происходило и в искусстве — «Чапаев», «Трилогия о Максиме», «Член правительства», «Комсомольск»...

Я вовсе не против того, чтобы понятие «герой» рассматривалось многогранно. Но... Довженко однажды заметил: «Двое смотрят в лужу. Один видит собственно лужу, а другой — отраженное в ней небо». Или звезды, не помню точно. Так что все зависит от восприятия жизни человеком. И художником. Я хочу видеть звезды. И в жизни, и в искусстве.

Беседу вел Л. ДНЕПРОВСКИЙ.